

КАТЯ
ВЕРДИНА

В СУПЕРМАРКЕТЕ

Катя Вердина
В супермаркете

«Издательские решения»

Вердина К.

В супермаркете / К. Вердина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909412-4

Каково это, провалиться из современного супермаркета в советский гастроном прошлого века? Или встретить оживший манекен в бутике итальянской моды? А вырастить волшебный цветок на подоконнике? И что же все-таки делать, если в твоей жизни произошло настоящее чудо? Именно это случилось с героинями книги Кати Вердиной — самыми обыкновенными мамами, женами и дочерьми. Знакомьтесь и начинайте готовиться к чудесам, потому что они обязательно, рано или поздно, происходят со всеми.

ISBN 978-5-44-909412-4

© Вердина К.
© Издательские решения

Содержание

В супермаркете	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В супермаркете

Катя Вердина

Иллюстратор Марина Шатуленко

© Катя Вердина, 2018

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9412-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В супермаркете

Глава 1

У тележки оказались кривые колеса – перегруженная, она вихляла и норовила уехать в сторону. Валентина нервничала, но к кассам не спешила, потому что не пройденными еще оставались три отдела. Каждый примерно по километру. С трудом толкая тележку вдоль бесконечных рядов потребительского рая, она пыталась сосредоточиться и вспомнить, что же такое необходимое она могла упустить в этот раз, но внимание ежесекундно перебивали полки с товаром. Уставившись на очередную яркую коробку, Валентина через минуту встряхивала головой и целеустремленно двигалась к рядам с оливковым маслом, про которое точно знала, что оно закончилось, и еще, кажется, что-то из круп надо и мешочки для школьных завтраков для Кольки.

Шагая по супермаркету в нужный отдел, она какое-то время мужественно игнорировала полки с товаром, но потом тележку снова заносило, и Валентина замирала возле разноцветных баночек, в раздражении хватала любую и бросала в тележку, где уже совсем не осталось места, а ведь еще надо будет пристроить упаковку минералки неизвестно куда.

Ритуал закупки продуктов Валентине порядком осточертел, поэтому она старалась набрать сразу продуктов так, чтобы приезжать в огромный загородный молл не чаще раза в неделю, но все равно что-нибудь забывала и через три-четыре дня снова обреченно шла вдоль пестрых прилавков, со злостью думая, что придется еще распаковывать и рассовывать по шкафам и холодильникам все покупки, а вечером тащить на помойку мешок с разноцветными фантиками и что вся ее единственная, драгоценная жизнь свернула куда-то не туда, как эта перекошенная тележка из супермаркета.

В отделе органических продуктов ряды уходили за горизонт. Валентина с ненавистью уставилась на двадцать видов риса. Потом нагнулась к полке с заморскими крупами, придерживая рукой своенравную тележку. На нижней полке из знакомых были южноамериканские злаки, а дальше уже шли какие-то пакетики с неведомыми зёрнами и надписями, уверяющими на всех языках, что это экологическое чудо выращено как минимум не на нашей, замусоренной именно вот такими редкоземельными коробочками, планете. Нахмурившись и кляня себя за потребительство, она потянулась к заманчивой этикетке и, неожиданно потеряв равновесие, выпустила тележку из рук. Та, освободившись, не мешкая мстительно пнула Валентину, в результате чего она спикировала, сталкивая все коробки, вглубь полки. Полка оказалась в глубине пустой и довольно широкой, так что Валентина провалилась туда целиком, проехала, не задерживаясь, по гладкому пластику всю полку насквозь и вывалилась с другой стороны.

На другой стороне на Валентинину голову упала стеклянная банка, но, к счастью, разбилась не на голове, а уже на полу, распространяя редкостную вонючесть. Валентина зажмурилась, обреченно ожидая, что эта банка не последняя, но больше сверху ничего не сыпалось. Не открывая глаз, она начала отползать от проклятой полки. Далеко отползти, однако, не удалось, потому что впереди возникло препятствие. Валентина наткнулась на нечто мокрое и не менее вонючее, чем давешнее содержимое злополучной банки. Осторожно приоткрыв один глаз, она увидела страшную черную тряпку на палке, резиновые мокрые сапоги, из которых торчали две ноги, прикрытые ниже колен подолом синего сатинового халата. Снизу ей были видны под халатом трусы голубого цвета невероятной, едва ли не до колен, длины.

От мокрой тряпки растекались тоненькие ручейки черной жижи. Голова у Валентины гудела, она попыталась сесть поудобней и снова закрыла глаза. Сверху раздался громкий голос:

– Ты чего это тут пристраиваешься, пьянь! Не стыдно тебе, с утра уже наакалась? Кто за рассольник платить будет?

Плохо соображая, Валентина подняла голову. На нее весело смотрела тетка в цветастой капроновой косынке. Синий халат, швабра и сапоги сложились, наконец, в одну картину.

– Ну че глаза пучишь? Двадцать восемь копеек за рассольник плати, а не то наряд вызову.

Валентина покорно зашарила по карманам пиджака в поисках кошелька, вытащила рубль, подивившись дешевизне продукта, и, не вставая, протянула его тетке. Тетка удивленно поднесла к глазам рубль:

– Юбилейный, че ли? А че это ты мне его суешь? Иди на кассу плати!

Валентина осторожно поднялась, взяла из рук тетки рубль и, пошатываясь, двинулась в неизвестном направлении с максимальной для своего состояния скоростью, полагая, что до кассы она как-нибудь доберется, а от ненормальной бабы надо побыстрее избавиться.

– Стой!

Валентина обернулась, не сомневаясь, что тетка вполне может двинуть ее по настрадавшейся голове своей вонючей шваброй.

– А убирать кто за тобой будет? – Тетка указала на осколки банки и растекшуюся желто-зеленую субстанцию. – На-ка вот тебе, держи. – Она протянула Валентине швабру. Та ошеломленно уставилась на черную вонючую тряпку.

– Вы хотите, чтобы я это убрала?! – Валентина начинала приходить в себя. – Да вы с ума сошли! Мало того что у вас раскладка товара с нарушением всех норм, так еще и хамство дикое. Вы в курсе, что по закону прав потребителей я вообще платить за разбитый у полки товар не должна! Позовите менеджера по смене.

Тетка открыла было рот от удивления, но потом ее лицо стало наливать победной радостью в предвкушении скандала. Вокруг начали собираться люди.

– Видали, позвать ей кавой-то инженера надо! Я щас тебе Петровича позову. Вы гляньте, товарищи, сама рвань рванью, а права ей тут подавай.

Какая-то толстая баба неопределенного возраста в ситцевом халате и мужских сандалиях сокрушенно покачала головой.

– А и вправду, ты что ж такая рваная вся? Молодая еще, что ж ты дыры зашить не можешь? И не стыдно тебе?

Валентина невольно оглядела себя. На ней были джинсы, купленные в Милане этой весной. На джинсах шли частые прорезы от середины бедра и заканчивались ниже колен, из прорезей торчала искусно выпущенная бахрома. Валентина переступила розовыми выгоревшими кедами с не менее художественной потертостью и запахла плотнее легкий пиджак. Пиджак был сшит швами наружу, но особой его прелестью были три разномастные винтажные пуговицы.

Вокруг уже галдела немаленькая толпа. Люди гневно тыкали на Валентину пальцами и требовали покаяться не то за разбитую банку, не то за дырки на штанах, не то за что-то еще невнятное, за что им всем было жутко стыдно, о чем они твердили на все лады. Валентина наконец сама внимательно пригляделась к орущим людям и испуганно отшатнулась. Эти странные люди, преимущественно пожилые и толстые, имели нездоровый вид, к тому же все они были в одежде из очень плохой ткани, из какой шьют дешевые простыни. Один мужчина в полосатых пижамных штанах и домашних тапочках потрясал кулачком.

В какой-то момент Валентина подумала, что, возможно, эта группа стыдливых людей попала сюда из больницы, и вот она одна здесь наедине с ними. Ее взгляд в панике заметался по магазину, пока не наткнулся на девочку лет двенадцати. Девочка, одетая в легкий сарафан и белоснежные гольфы, с любопытством разглядывала Валентину, покачивая сетчатой авоськой с пустой стеклянной банкой внутри. И чем дольше Валентина смотрела на эти гольфы и на эту авоську, тем сильнее билось ее сердце, а тело покрылось липким холодным потом.

Видимо, банка, упавшая Валентине на голову, все-таки что-то там нарушила, ибо только сейчас Валентина разглядела магазин.

Это было немаленькое помещение, но раз в двадцать меньше супермаркета, куда Валентина вошла около часа назад. На стенах висели надписи: «Рыба», «Мясо», «Бакалея», «Хлеб», «Соки-воды». Полки с товаром тянулись ровно по центру зала и вдоль стен. На одной из полок ровными рядами стояли трехлитровые банки с прозрачной жидкостью, на другой – такие же банки с коричневым повидлом, на витрине возле окна высились замысловатые пирамиды из консервов. Пол, выложенный потресканной желтой плиткой, мутно чернел разводами. Огромный плакат над выходом из магазина сообщал, что «Культурно торговать – почетный труд».

Валентина потеряла виски и пострадавший затылок. Ее слегка качнуло, и она, испугавшись, что сейчас упадет, искала глазами, куда можно сесть. Между тем толпа не умолкала, и уже звучали призывы писать, сигнализировать, нещадно искоренять и немедленно Валентину куда-то сдать. Тетка со шваброй удовлетворенно наблюдала за толпой и кивала. Положение осложнялось тем, что толпа закрыла путь к выходу, и Валентина справедливо полагала, что поскольку в обход от столь энергичных людей ей не уйти, то упасть в обморок, возможно, было бы не худшим вариантом. Однако этого не случилось, потому что к полосатому дядьке подскочила рыжая тетка и заорала, перекрывая всю толпу, про пельмени, которые выбросили, но по две пачки в руки, так что бегом! В ту же секунду, не снижая накала страстей, толпа побежала в мясной отдел. Валентина же, не теряя времени и не оглядываясь на тетку со шваброй, рванула к выходу, прижимая локтем сумочку, тут же поскользнулась на рассольнике, неожиданно ловко сохранила равновесие и в три прыжка оказалась у дверей. Дивясь собственным акробатическим талантам, она выскочила из магазина и метнулась в ближайший двор.

Глава 2

Во дворе Валентина перевела дух. Двор состоял из трех новых пятиэтажек. В центре находилась детская площадка с железной космической ракетой и железной же горкой и турником, по периметру росли тонкие деревца. На аккуратные балконы домов, не обезображенные разнокалиберными рамами, сквозняк выдувал тюлевые занавески. Все в этом дворе: и двери подъездов без кодовых замков, и ракета с горкой, и скамейки возле дверей – все блестело свежей масляной краской коричневого и зеленого цветов.

Почувствовав относительную безопасность, Валентина разом ослабела и на дрожащих ногах доковыляла до ближайшей пустой скамейки. Из раскрытого окна на первом этаже тянуло запахом жареной картошки, звякала посуда, бормотало радио. Упав на скамейку, она вдруг почувствовала боль в зажатом кулаке. Не без труда разжав затекшие пальцы, Валентина уставилась на посиневшую от впечатавшегося рубля ладонь. На ладони лежал беленький металлический рубль с профилем вождя мирового пролетариата и цифрами: «1945—1965», на обратной стороне монеты колосился герб Советского Союза.

С минуту Валентина смотрела на рубль, потом с неожиданным спокойствием достала из сумочки кошелек. В кошельке вместо двух кредиток, нескольких тысячных купюр и разноцветной стопочки дисконтных карт оказалась смятая зеленая трешка, бережно засунутая в отдельный кармашек красная десятка и квитанция за ремонт холодильника «Бирюса» на имя Воропаевой Зинаиды Геннадиевны.

«Ну все, допрыгалась, голубушка», – злорадно подумала Валентина. Почему она «допрыгалась», внятно объяснить Валентина не могла, при этом ей было отчетливо понятно, что эта бредовая история – несомненный результат всех ее предыдущих десяти лет жизни. Страха не было. Удивления, впрочем, тоже.

В квартире с открытым окном кто-то прибавил громкость радио, и до Валентины донеслись знакомые позывные, после которых раздался женский голос: «В эфире радио „Маяк“, начинаем передачу „Полевая почта юности“».

Болезненно хохотнув, Валентина скрестила на груди руки и впервые за последние десять минут осмысленно гляделась вокруг. Двор был почти пуст, на детской площадке дремала бабуля с коляской, возле соседнего подъезда на скамейке уткнулся в газету дядька пенсионного возраста, мальчик в красном пионерском галстуке вышел из дома напротив и, размахивая картонной папкой, побежал в сторону улицы. Чуть в отдалении, возле трансформаторной будки, двое лохматых парней возились с мотоциклом. Ни название газеты, ни двор, ни сам вид местного населения не оставляли сомнений, что все это каким-то образом перенеслось сюда из прошлого. Недавнего прошлого, хорошо знакомого Валентине. Или... Или перенеслась в прошлое сама Валентина. Господи боже мой!

Старушка и дядька с газетой не обращали никакого внимания на женщину в рваных джинсах, парни же с любопытством поглядывали на Валентину, переговариваясь и кивая в ее сторону. Парням едва ли исполнилось двадцать лет, заинтересовать их сорокалетняя Валентина вряд ли могла, скорее ее джинсы. «Интересно, что они обо мне думают? Герла понтовая? Нет, понтовая, кажется, это уже в семидесятых было. Стоп, а почему я решила, что сейчас шестидесятые? И так ли уж это важно? А что важно? Господи, соберись, дура! Штаны! Штаны нужно снять! А надеть что? Вопрос. Вот этим мы сейчас займемся, а дальше посмотрим».

Что будет потом, Валентина решила сейчас не заморачиваться, планируя жизнь не дальше чем на пять минут вперед. Она встала и уверенно пошла к парням. Те бросили свой вылизанный мотороллер и устались на Валентину. Один из них, в красной рубашке, поднялся, второй продолжал сидеть на корточках, щурясь снизу на Валентину.

– У меня вот, – Валентина показала на джинсы, – меняю на юбку, любую.

«Красная рубашка» повернулся к своему товарищу. Некоторое время они молчали.

– У Косого можно, – не то спросил, не то утвердил «прищуренный».

– Ну айда, – мотнул головой парень в красной рубашке.

Через полчаса они с Валентиной поднимались по высокой лестнице в подъезде старого, еще дореволюционной постройки дома. Дверь открыл тщедушный мужичок лет пятидесяти в нейлоновом спортивном костюме, мрачно посмотрел на спутника Валентины, не произнеся ни слова, развернулся в просторной прихожей и пошел по длинному темному коридору. «Красная рубашка», неуверенно взглянув на Валентину, двинулся за ним.

Хозяин завел их в сумрачную комнату, окна которой плотно закрывали тяжелые плюшевые шторы. Пахло пылью и мастикой. Мужичок, все так же не глядя на Валентину, взял за локоть парня и подтолкнул его в сторону коридора. Валентина осталась в комнате одна. За стеной спорили, сквозь открытую дверь долетали обрывки фраз: «Кто такая... придурок... хату спалишь... какую юбку... козлы».

Решив, что дело затягивается, Валентина присела на край дивана с кожаной спинкой и деревянными, в глубоких царапинах, подлокотниками. С одной стены на нее смотрел бородастый мужик в свитере с высоким толстым воротом, на другой стене висел маленький отрывной календарь. С дивана Валентина разглядела большую цифру «23». Ну да, сегодня двадцать третья мая. Год, напечатанный мелким шрифтом, было не разобрать.

На комодѣ стояли большие часы в корпусе из полированного дерева. Секундная стрелка равнодушно делала свой обход. «Дура», – прошептала ей Валентина и подошла к календарю. Одна тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. В какой-то момент на нее накатила волна подступающего страха, но Валентина, не оставляя для него места, быстро переключилась на состояние злой веселости. Имея опыт индивидуального предпринимателя в девяностые годы, она научилась мгновенно встать в «боевую стойку». Сейчас она была готова к любым приключениям, кроме необходимости осмыслить новую реальность, которая вокруг нее тикала, разговаривала, пахла и осызгалась.

«Спокойно, трагедия не твой жанр, Валентина. А может, я в сумасшедшем доме и мне вкололи галлюциногены? Ну нет. Здесь все по-настоящему. Такие противные мужики мне привидеться не могли. Далась мне эти штаны. Господи, ну почему именно сюда?! Дикое время, дикие люди... Ну и мода, всего сорок лет прошло, а по улице пройти нельзя. Жестокий век. Не отвлекайся. Итак, какой у нас план? А такой: сейчас я переоденусь, вернусь в магазин, залезу на полку и притворюсь рассольником за двадцать восемь копеек. Интересно, где я сегодня буду ночевать: в дурке или в милиции? В милиции лучше...»

В комнату вернулся мужик в нейлоне. Парень робко переминался на пороге. Хозяин открыл шкаф, достал свернутый плед и бросил его Валентине:

– Завернись пока в это, штаны давай.

Валентина быстро скинула джинсы, накрывшись пледом.

– Штаты или Мексика? – Мужик вывернул джинсы в поисках этикетки. – China?! Что за фирма? – Он с удивлением разглядывал прорези. – А лейбл где на заднице? Я такое не беру.

– Это Италия, только шьют китайцы. Пожалуйста, заберите просто так, мне только юбку, любую, ненужную. Мне до магазина дойти, пожалуйста.

Хозяин злобно посмотрел на парня, снова покопался в шкафу и протянул Валентине коричневый сверток. Это оказалась ношенная толстая шерстяная юбка в катышках, совершенно не по погоде, зато по размеру. Валентина быстро натянула юбку и, боясь, что ее отберут, быстро засобиравшись к выходу, пятясь и бормоча скороговоркой благодарности. Привыкший ко всему хозяин молча открыл замысловатый замок, и Валентина, не дожидаясь своих спутников, сбегала по лестнице.

Тяжелая дверь подъезда захлопнулась за спиной. Во дворе старого дома было тихо и зелено. Разросшиеся ветви тополей и лип заслоняли высокие окна. Валентина хорошо знала

этот район в центре города, но ни старый дом, ни деревья не помнила. Наверное, все это снесли очень давно. Она еще немного постояла, собираясь с мыслями, затем расправила руками страшную юбку и на всякий случай заглянула в сумку. Трешка лежала на месте. Валентина последний раз огляделась по сторонам, задрала подбородок и направилась в сторону проспекта.

Глава 3

В тот самый момент, когда Валентина в отделе органических продуктов провалилась из две тысячи тринадцатого года в одна тысяча девятьсот шестьдесят девятый, Зинаида Геннадиевна Воропаева, которую все звали баба Зина, открыла дверь в здании ремонта бытовой техники. Это была пожилая, грузная женщина лет шестидесяти пяти. Беспокоили Зинаиду Геннадиевну сегодня три вещи: пригрозить в мастерской как следует, чтобы ей наконец-то привезли и подняли домой на четвертый этаж холодильник «Бирюса», успеть вернуться и напечь оладий для внука Коленки к его возвращению из детского сада и разобраться во дворе с Валеркой из шестой квартиры с его тархтящим драндулетом, потому как Валерка бездельник, экзамены провалил, а патлы отрастил, но главное, что мотоцикл его жить Зинаиде определенно мешал.

Еще не дойдя до окошка приемщицы по длинному мрачному коридору рембыттехники, талантливая Зинаида Геннадиевна загодя включила «плаксивую старуху».

– Доченька, вторую неделю жду, за хлебом спуститься не могу, такая жара, а я без холодильника, ведь уже давно отремонтировали, когда же привезете?

Девушка в окошке, подперев рукой щеку, скусающе смотрела куда-то наискосок мимо клиентки.

– Машины сегодня нет.

– А когда будет?

– Не знаю, звоните.

– Да вам разве ж дозвонишься! – Зинаида Геннадиевна переключила «плаксивую старуху» на «разгневанную гражданку». – Это что за безобразия! Кто отвечать будет?! Я ведь в газету напишу! Вот у меня квитанция за четвертое число, это ж сколько времени уже прошло! – Зинаида Геннадиевна полезла в сумку за кошелем. – Вот, гляньте-ка, это бумажка с печатью. – Она раскрыла кошелек, вытащила квитанцию и замерла с разноцветными бумажками в руке.

– Батюшки святы! Не мое! Не мои деньги-то, иностранные! Подменили! Никак Валерка! – Зинаида, торопливо засовывая бумажки в кошелек, закивала девушке: – Ниче-ниче, доченька, я еще подожду, месяц ждала и еще подожду, а ты уж не говори никому, а я сейчас, сейчас...

Зинаида засемила по коридору и в панике свернула не туда, дошла до конца, уперлась в закрытую дверь, повернула назад и вышла в какой-то уже совсем темный тупик. Поняв, что заблудилась, она начала дергать подряд все двери в коридоре, но они оказались запертыми. Держа в вытянутой руке кошелек, словно из него могло выскочить нечто страшное и кусачее, поминутно кляня нехстати застрявшего в голове Валерку, совсем уже отчаявшаяся баба Зина с силой налегла на очередную дверь и неожиданно вывалилась в большой и светлый зал.

В первый момент после темных и затхлых коридоров рембыттехники ее ослепил яркий свет. Едва баба Зина опомнилась, как к ней подскочила огромная двухметровая колбаса и завопила откуда-то изнутри дурным голосом: «Не проходите мимо! Только на этой неделе акция! Снижение цены на тридцать процентов! Малеевский мясокомбинат! Наша продукция высшего качества! Вы должны попробовать все! Обратите внимание, мы начали выпуск новой ветчины из постного мяса индейки, без холестерина и крахмала, только натуральные продукты!»

Выкрикивая и вытанцовывая вокруг бабы Зины, колбаса совала ей в лицо тарелку с нарезкой ветчины. Баба Зина покорно засунула в рот один кусок и начала жевать, совершенно перестав что-либо понимать и чувствовать. Рядом с колбасой раскачивалась такая же огромная розовая сосиска, раздавая воздушные шары с логотипом мясокомбината. Через пару секунд колбаса отстала от бабы Зины, переключившись на семью с детьми.

Оставшись одна, баба Зина бессмысленно побрела вдоль рядов мясного отдела, все так же держа в вытянутой руке раскрытый кошелек. Приятный женский голос по громкой связи сообщил о том, что в отделе мучной продукции появился хлеб из французских отрубей высшего качества. Женщина в кружевном платье, похожем на нижнюю сорочку, придирчиво перебирала упаковки колбасной нарезки, разглядывая срок годности и язвительно комментируя увиденное на весь отдел. Баба Зина, не останавливаясь и не меняя темпа, прошла мимо висящих окороков и сырокопченых палок и уже вышла в отдел сыров, но тут ее остановила девушка в широкополой шляпе.

– Ну что же вы, женщина, у вас кошелек раскрыт, так же нельзя. – Девушка протянула руку и закрыла кошелек.

Помимо шляпы, девушка была одета в короткие шортики, похожие на трусы, туфли на высокой платформе и широкую майку, которая, сваливаясь с плеча, обнажала нижнее белье. Баба Зина посмотрела на девушку и закрыла глаза.

– Вам плохо? – Девушка наклонилась к бабе Зине. – Вы как-то странно выглядите. Давайте я вас отведу в кафе, посидите, водички выпьете. – Девушка взяла бабу Зину под локоть и повела в сторону фуд-корта. В кафетерии она усадила ее за столик и позвала официанта:

– Воды, пожалуйста, принесите. Женщине, кажется, плохо.

– Зачем же вы ее сюда привели? Может, ей скорая нужна? – сердито прошипел официант. – Кто ее тут откачивать будет, а вдруг у нее инсульт?

– Вот сами и вызовите скорую, – шепотом ответила девушка, – у меня времени нет, а вы работник торгового центра. Это ваша обязанность.

– Нет у нас такой обязанности, – уже громко возмутился официант.

– Слушайте, принесите воды. Я заплачу. А женщина сейчас посидит и оклемается. Правда, женщина? – Девушка наклонилась к бабе Зине: – Выход сможете найти?

Зинаида подняла глаза на девушку и внезапно четко и громко спросила:

– А где здесь выход?

Девушка и официант с облегчением указали в сторону стеклянной карусели крутящихся дверей и через минуту забыли о странном инциденте с пожилой женщиной, которая уже шла, переваливаясь, к выходу из торгового центра известного европейского бренда.

Глава 4

План Валентины по спасению из дикого прошлого не изменился. Она решила пробраться в универсам перед закрытием, где-нибудь там спрятаться, остаться на ночь, а дальше... А дальше фантазия заканчивалась. Что-нибудь да как-нибудь. В этом и состоял весь план, если не считать некоторого количества непечатных выражений, занявших почти все место в бедной голове Валентины. Адресованы неизящные выражения были самым неожиданным в данной ситуации людям, включая Мишкину учительницу, заклятую подругу Нюсю и бестолкового мастера по фотоэпиляции.

До вечера было еще далеко, и Валентина бесцельно шла в жуткой кусачей юбке по тротуару к центру города. «Да, это мой план. А что еще делать? Можно, конечно, пойти в милицию. В ту, что нас бережет. Приду и скажу: „Здравствуйте, я к вам вывалилась из две тысячи тринадцатого года, прямо с полки органических продуктов. Что такое органические продукты? Это как раз то, чем вы все здесь питаетесь, а мы вот уже нет. Мы – это дорогие россияне. А вы – это совки кондовые“. Нет, наверное, не надо мне идти в милицию. Не договорюсь я с ними».

Время шло к обеду, и Валентина уже порядком проголодалась, вспоминая утреннюю чашку кофе с яблоком и ругая себя за привычку не завтракать. Трешку же было решено беречь как можно дольше.

Шагая по одной из главных улиц города, она умудрилась упасть и здорово ободрать коленку, когда перебиралась через ямы и валуны засохшей грязи с отпечатками шин гигантских колес. Подобные препятствия периодически возникали между участками вполне нормального асфальта, оттого Валентине казалось, что она находится не в центре города, а на окраине: трамвайные пути, трубы, грузовики, разъезды и заборы, заборы, заборы...

Асфальт в очередной раз закончился, вдоль тропинки потянулась высокая ограда приборостроительного завода. Выцветший плакат возвещал синими буквами о досрочных планах пятилетки. За забором кипела жизнь, кто-то ругался, что-то громыхало, ревели моторы, ритмично стучал некий механизм, хлопали и скрежетали ворота въезда.

Валентина остановилась, всматриваясь в серое здание с огромными, сроду не мытыми окнами. Она и забыла, что когда-то здесь был настоящий завод. Сейчас на этом месте – торговый центр «Майский», один из первых в городе реконструированных из прежних фабрик и заводов. Она зажмурилась и увидела затемненное зеркальное стекло по фасаду, трехуровневую парковку, сверкающие витрины первого этажа. А еще там, на втором этаже, любимый ресторан мужа: чешская кухня, свежее пиво двадцати сортов, запеченные рульки, чесночный суп... Впрочем, Валентина не одобряла грубый вкус мужа, сама предпочитая средиземноморскую кулинарную легкость. Перед глазами возникла тарелка со свежей зеленью, присыпанная пармезаном, бокал итальянского розе и тартар из гребешков. А на десерт – панакотта с яблочной карамелью. Ох. Есть захотелось нестерпимо. Но почему-то совсем не панакотту. Вдруг захотелось съесть кусок с хлеба с маслом. Валентина сглотнула. Да, хотелось просто сытости. Гребешками сыт не будешь, а будешь ты сыт жареной картошкой со сковородки, жирными щами, манной кашей и чаем с сахаром. Интересно, когда она пила чай с сахаром в последний раз?

Валентина открыла глаза. Явно пахло пищей. Не едой, а именно пищей. Запах напомнил детский сад, школу и летний лагерь, который по старой привычке все еще называли пионерским. Она пошла на запах и вскоре увидела в самом конце здания вывеску «Столовая номер восемь».

«А вот тебе и чешская кухня!» Валентина вспомнила рассказы о дешевизне советского общепита и толкнула дверь в столовую. Впрочем, тратить драгоценную трешку она не собиралась.

Миновав гардероб на первом этаже, Валентина поднялась по еще влажной после уборки, пахнущей хлоркой лестнице на второй этаж. Обед у рабочих заканчивался, в полупустом зале несколько спин склонились над коричневыми подносами, стуча ложками о тарелки с супом. На Валентину никто не смотрел. Из кухни доносился звон посуды. Немолодая, грузная женщина в белом халате вытирала столы бурой тряпкой. На раздаче было пусто.

Валентина, повинувшись голодному инстинкту, безошибочно направилась к эмалированному тазу с надписью «Хлеб». На дне таза лежали выгнутые дугой скукоженные горбушки. Она цапнула два куса и торопливо засунула в сумку, уставившись в пол выпученными от ужаса глазами и думая, что в ближайшее время ей придется освоить мастерство мелкой кражи. Ничего, ничего... Она талантливая. В конце концов, выучила же английский пять лет назад.

– Ну что? Профукала все? – услышала Валентина и подняла глаза. Тетка бросила тряпку на стол и направилась к Валентине.

– Э-э-э... м-м-м... извините. – Валентина, втянув голову, полезла в сумку, намереваясь вернуть хлеб.

– Ладно, бесплатный хлеб-то. Садись уж, – тетка кивнула на стол, – сейчас чаю налью.

Тетка ушла, и Валентина, боясь поднять глаза, скользнула за ближайший стол у окна. На столе стояла банка с подсохшей по краям горчицей. Через минуту тетка поставила перед Валентиной стакан чая и тарелку картофельного пюре с коричневой лужицей подливки.

– Ешь. – Тетка сказала таким тоном, что Валентина моментально схватила ложку и зачерпнула водянистое пюре, но тетка не думала уходить. – До полочки еще неделя, а она все деньги растрывкала. Небось на глупости? Не стыдно? Эх, молодежь! – Тетка, исполненная важности, наблюдала за Валентиной, которая, сгорбившись, черпала пюре, не поднимая головы. Тетка еще что-то поворчала, горделиво подбоченясь, и наконец, удовлетворенная ролью спасительницы, отчалила к своей тряпке.

Валентина доскребла содержимое тарелки и быстро огляделась по сторонам, поднимая плечи и слегка выпячивая нижнюю челюсть. За последние десять минут ей удалось обрести повадки бывшего хулигана-двоечника, какими их изображал советский кинематограф. Но Валентина не беспокоилась о своем имидже, а думала, что три куса хлеба в сумочке сделали ее уверенной в будущем и почти счастливой. Она вылила в себя приторный чай, с сожалением посмотрела на тазик с хлебом, но, решив не искушать больше судьбу наглостью, выбралась из столовой.

День постепенно заволакивало дымкой предсумерек. С завода уже потянулся народ. Валентина влилась в толпу, которая двигалась по тротуару в сторону автобусной остановки. Вскоре толпа заводчан осталась на остановке, но Валентина пошла дальше, действуя по плану – вернуться в универсам и найти полку с рассольником. Она ни капельки не сомневалась что рассольник, упавший ей на голову, был определенно виноват в эксперименте с провалом во времени. И то, что этот эксперимент был подготовлен, а она попала в него по ошибке, Валентина тоже не сомневалась. «Наши стараются. Спецслужбы хреновы. Опять у них что-то пошло не так. Секретное оружие, наверное, испытывают. Хотят прошлое изменить. Ха. Я им покажу, как засылать людей в экстремальные условия с угрозой для здоровья. Ага. А тебя за разглашение государственной тайны того. Еще неизвестно, где безопасней».

От картофельного пюре с подливкой началась изжога, Валентина икнула и вдруг подумала, что результаты ее стараний в фитнес-центрах и спа-салонах здесь испарятся за неделю. Она разозлилась и прибавила ходу, рискуя порвать свою дурацкую юбку.

Идти было недалеко. Вечерний город успокаивал уютными огнями окон, пахло травой с газонов, зажглись редкие фонари, мимо проехал пузатый автобус, набитый людьми. Несмотря на будний день, по улицам гулял народ: парочки, студенты, нарядные девушки, дети, старушки, стайки подростков и почему-то много женщин, которые шли под ручку друг с другом.

Валентина сердито смотрела по сторонам. «Вот она – жизнь без интернета. Выперлись из дома. Делать нечего, по улицам шляются. Бездельники».

На перекрестке перед универсамом бурлил небольшой затор. Милиционер в фуражке, знакомой по мультфильмам, непрерывно свистел, заставляя пропустить пожарную машину. У Валентины отчего-то заскребло на сердце. Миновав перекресток, она свернула за угол и увидела толпу возле универсама. Так и есть. Подъехала пожарная машина, но, судя по всему, небольшой пожар уже потушили своими силами. Милиция оцепляла магазин с разбитой витриной черной лентой, люди постепенно расходились, делясь на ходу переживаниями:

- На неделю закрыли...
- Ну прям на неделю, на месяц, не меньше.
- Какая-то проводка... И чего они за ей не смотрят?
- А где теперь сметану покупать? В гастроном не наездишься.
- Целая стена сгорела с товаром, банки полопались, стеклами все побило, что пулями.
- А может, и на два месяца закрыли...

Валентина остановилась. Было ясно, что в универсам она сегодня не попадет. И завтра тоже. И еще понятно, что пожар в универсаме был связан с ней. Но что делать дальше, понятно не было. Уже совсем стемнело. Валентина потрогала кошелек в сумочке. Интересно, сколько стоит гостиница? И есть ли она? И пустят ли ее туда без паспорта? Валентина плотнее запахнула легкий пиджак. Хорошо, что лето.

Где-то вдалеке заиграла музыка. Духовой оркестр! Танцплощадка! Мама рассказывала, что раньше в их парке была танцплощадка. Валентина обрадовалась. За время своего недолгого скитания она успела вывести две формулы выживания: если хочешь есть – иди туда, где кормят, если негде ночевать – иди туда, где люди веселятся. Не сильно размышляя над сомнительной логикой, она пошла в сторону музыки, как недавно на запах еды.

Глава 5

Возле трассы на пустой, новенькой остановке сидела баба Зина. Огромный торговый молл находился за городом, но на общественном транспорте покупатели добирались сюда редко, разве что в выходной день школьники приезжали на каток, построенный на верхнем этаже развлекательного комплекса.

Было три часа дня, мимо проносились автомобили. Баба Зина ждала. Желтая табличка с номером и нарисованным автобусом вселяла уверенность, что она скоро выберется из непонятного морока. Что с ней произошло и почему она оказалась в незнакомом месте, баба Зина списывала на неведомые магнитные бури, о которых в последнее время часто рассказывали по телевизору. Баба Зина не паниковала и даже не сильно волновалась. Может, потому, что за свою жизнь она видела вещи страшнее говорящей колбасы. Единственное, что ее расстраивало, – это оладьи, которые она уже не успеет напечь до возвращения внука из детского сада. В остальном все было вполне терпимо.

Справа от остановки рекламный щит предлагал купить все ту же колбасу, но Баба Зина смотрела прямо перед собой, крепко прижимая коричневую сумку к животу и не вглядываясь в окружающую среду. Майский день был в разгаре. Через полчаса рядом с остановкой затормозила маршрутка. Баба Зина не шелохнулась. Открылась передняя дверь рядом с водителем, из машины выглянул черноусый водитель.

– Мать, тебе куда? Я в центр еду. – Черноусый водитель говорил с южным акцентом.

Баба Зина беспокойно зашевелилась, но не ответила. Она ждала автобус, а подъехавшая машина совсем не была на него похожа.

– Слушай, ну что ты тут сидеть будешь? Если денег нет – все равно доведу. Давай залезай. – Водитель шире открыл дверь.

Баба Зина поднялась и, не отрывая сумки от живота, полезла в маршрутку. Хлопнула дверь, машина тронулась. Водитель весело взглянул на пассажирку:

– За купонами ездила или покушать на акции?

Баба Зина на всякий случай покивала головой, разглядывая приборную панель, на которой рядом с маршрутизатором выстроился внушительный ряд иконок.

– А, это... Это напарник мой наставил, – сказал водитель, заметив интерес бабы Зины, – а мне не нравится такое. Я так думаю: ты веришь? Верь, пожалуйста, дорогой. Но зачем всем показывать? Не понимаю. Раньше тоже неправильно было, когда бога совсем запретили. При коммунистах еще. А сейчас те коммунисты со свечками стоят. Смешно, я тебе скажу.

Баба Зина на иконки уже не смотрела, а, развернувшись, уставилась на водителя, хмуря лоб и часто моргая светлыми глазами.

– Или вот еще. Взяли моду церкви строить. Раньше школы строили, больницы, заводы. А теперь, если место незанятое найдут, так сразу церковь, – продолжал водитель. – И люди тоже возмущаются. Не все, конечно, но многие понимают, где обман. Слышала, народ собирався возле старого кинотеатра? Против выступали. Не хотят люди, чтобы церковь строили. Старый кинотеатр ломают, а на этом месте церковь строят. А людям не нравится. Надо людей слушать, вот что я скажу. – Водитель посмотрел на бабу Зину и, довольный произведенным впечатлением, заулыбался.

– Когда Советский Союз был, больше про науку думали. Про космос. А сейчас про бога. А я говорю – глупости все это. В двадцать первом веке надо про людей думать.

Баба Зина крепче прижала сумку и перевела взгляд в окно. Они уже въезжали в город. Мимо проплывали кирпичные высотки так называемого элитного жилого комплекса с видом на реку. Новый четырехполосный мост выходил на набережную, где по летнему времени открылись многочисленные террасы, украшенные живыми цветами. За поворотом в центр

города на бабу Зину надвинулась сверкающая черным стеклом громадина Ультракапитал-банка. На светофоре к машине подскочили подростки с тряпками и пульверизаторами в руках, намереваясь помыть ветровое стекло, но водитель их прогнал, и тут же в окно со стороны сиденья бабу Зины постучала, протягивая руку, замотанная в хиджаб женщина. Баба Зина шарахнулась от окна, едва не уронив драгоценную сумку. Водитель выругался на попросаек и газанул на желтый свет. В городе он уже не улыбался и не разговаривал, со злостью выворачивая руль на остановках, раздраженно подрезая медленные троллейбусы и нервно бибикая в нескончаемых пробках.

– Где высадить тебя, мать?

Баба Зина снова промолчала, разглядывая улицы родного и в то же время незнакомого города. Они проехали мимо главного корпуса университета, и баба Зина торопливо махнула рукой.

– Здесь, что ли? – спросил водитель.

Баба Зина кивнула.

– Здесь не могу остановиться, дальше высажу, за светофором.

Водитель тормознул, чуть не доехав до остановки, и баба Зина, не прощаясь и не поблагодарив, вылезла из маршрутки. Водитель почесал затылок, озадаченно посмотрел вслед странной пассажирке, но через пару секунд хлопнул дверью, и маршрутка, чадя и уворачиваясь, влилась в поток автомобилей на центральном проспекте города. Баба Зина же, по-прежнему не глядя по сторонам, направилась к единственно знакомому ей месту – студенческому скверу, расположенному через площадь от университета.

Еще не дойдя до сквера, она остановилась и подняла голову на верхушки деревьев. Высокие клены, ясени, липы – они полностью скрывали маленький сквер. Долго смотреть на высокие деревья было трудно. Баба Зина опустила голову, асфальт расплывался перед глазами в красноватое пятно. До сквера оставалось метров пятьдесят. Она немного подышала, как ее научил один врач, постояла несколько минут и пошла дальше.

В сквере должны быть скамейки – баба Зина это хорошо помнила. Скамейки должны стоять вокруг памятника Ленину, в честь которого и назвали сквер. Любимое место в городе. Здесь всегда было полно молодежи: рядом находился университет, ремесленное училище и медицинский институт.

Кое-как, тяжело дыша и останавливаясь, Баба Зина доковыляла до деревьев. Снова встала, держась за темный, в глубоких бороздах и трещинах, ствол. Скамейки в сквере оказались на месте. Как всегда – кругом вокруг памятника. Но на постаменте вместо вождя мировой революции безмолвно играл на флейте голый мальчик. Баба Зина снова подышала. До скамеек было совсем близко, просто надо немного собраться с силами. Она сейчас, сейчас...

Закрыла глаза и увидела себя в белом платье в синий горох. Тогда тоже был май, они сажали деревья, вот эти самые липы, ясени, клены, тополя. Как же они выросли-то, и сквера за ними не видно, все заслонили. Сейчас тополей среди них уже нет. Деревья в тот день были совсем юные – тоненькие, нежные саженцы, такие же, как сама Зина и ее подружки. Таня, Любка, Ира. Они все из текстильного, после рабфака, а ребята в тот день пришли из университета – физики, цвет нации. Это было в сороковом, кажется, году. Да, в сороковом. А платье то в горох ей мама сшила.

Баба Зина открыла глаза. На одной из скамеек сидела, поджав ноги, девушка. Голые коленки выглядывали из прорезей на джинсах. Девушка слушала музыку в наушниках, кивая в такт головой, жевала бутерброд и одновременно стучала по клавишам раскрытого ноутбука. На соседней скамейке спал бомжеватого вида гражданин без обуви, зато в оранжевых, с зелеными бабочками, носках. Еще несколько человек в сквере сидели на скамейках, все без исключения уткнувшись в телефоны. Чуть подальше, возле фонтана, двое парней лихо прыгали на скейтах по широким бордюрам. Баба Зина погладила дерево и прислонилась к нему щекой.

– Вам плохо?

Баба Зина оглянулась.

Рядом стояла пожилая дама в соломенной шляпке, с тремя собаками на поводке.

Баба Зина глубоко вздохнула.

– Ну вот что, – дама полезла в сумочку и достала лекарство из пузырька, – под язык положите. Давайте я вам помогу. – Она подхватила бабу Зину под локоть и потянула к скамейке. – Вот сюда присаживайтесь. Что же это вы? – спросила строго дама, не совсем понятно о чем, и уселась рядом, дернув на себя крошечную собачку с бантиком. Собачка визгливо затыкала, натягивая поводок и вставая на задние лапы.

Баба Зина опустила на скамейку. Толстый меланхоличный мопс, хрюкнув, поднял грустную морду. Третья собака, ушастая чихуа-хуа в золотистой попоночке, тревожно оглядывалась, дрожа и переступая тощими лапами.

– Тихо, Бетси. Успокойся, – дама снова дернула за поводок нервную собачку с бантиком. – Да это не мои, – кивнула она на ушастую компанию, – я бы таких сроду не завела. Разве ж это собаки? Их американцы вывели специально, чтобы в мире нормальных собак не осталась, а только эти говнотявки. Я вот, гуляю с ними как прислужница. А что делать? Жить-то надо, пенсия-то сами знаете: квартплату заплатил, в аптеку ходил, ну и все.

Баба Зина переложила сумку со скамейки на колени.

– А как еще заработаешь в моем возрасте? – продолжала жаловаться дама. – Вот и гуляю сразу после смены и до смены, когда мой день. Раньше на заводах смены были, а сейчас вот консьержкой посменно работаю. Во-он в том доме. Собак выгуливаем по очереди со сменщицей. Пост ведь не оставишь, у нас дом непростой, люди все богатые живут, мода у них такая – собак заморских заводить. А нам тоже хорошо, приработок, а то у консьержки зарплата – до пенсии не дотягивает. Все неплохо, только псины эти мне – все равно что депутаты. Да. Заслали их нам всех. Точно вам говорю. За-сла-ли, – отчеканила дама и плюнула в сторону собак.

Собаки, привычные к непростому характеру своей служанки, уже устроились возле скамейки, положив морды на лапы и подрагивая ушами. Баба Зина вытерла лицо ладонью и глубоко вздохнула. Дама в шляпке хлопала бабу Зину по колену.

– Полегчало? Ну вот и слава богу. Пойдемте ко мне, у меня как раз сейчас смена начинается. Я вас чаем напою, вы мне все расскажете, там и подумаем, стоит ли плакать. Слышали про позитивное мышление? Нет? Я вас научу. Как звать-то вас? Меня Виолетта Иннокентьевна. – Дама, не дожидаясь ответа, снова взяла бабу Зину под локоть, потянула за поводки собак и повела всех к высокому чугунному забору, примыкающему к скверу.

Миновав будку охраны, они оказались в большом благоустроенном дворе с теннисным кортом и просторной детской площадкой.

– Вот мой подъезд, здесь я работаю, – Виолетта показала на высокое крыльцо, облицованное разноцветной мозаикой. – Красиво? Еще бы. У нас тут знаете какие люди живут? О-о-о... – Виолетта Иннокентьевна закатила глаза. – Но фамилии, сами понимаете, раскрыть не могу. Государственная тайна, – понизив голос, сообщила она и открыла дверь.

В подъезде они вошли в небольшую комнатку за стеклянной перегородкой. Здесь стоял диван, стол со стулом и холодильник. На стене, рядом с деревянной ключницей, висел большой календарь с отмеченным графиком дежурств. Баба Зина без приглашения села на диван. На раскрытой странице глянцевого календаря под фотографией странного мужчины с накрашенными губами затейливой надписью было выведено: «Май 2013 год».

Глава 6

Пока Валентина шла к парку, музыка уже стихла. Навстречу ей по широкой дорожке из парка возвращались пожилые парочки и женщины средних лет. В сторону же танцплощадки потянулись компании молодежи по пять-шесть человек. Девушки почти все шли в коротких разноцветных платьях, со сложными прическами на голове. Валентина залюбовалась и подумала, что, возможно, советская потребительская убогость сильно преувеличена. Впрочем, она тут же решила, что красивые наряды наверняка не заслуга советской промышленности, а дело рук самих девушек. На свою юбку она старалась не смотреть, без сожаления признавая, что популярность на местной дискотеке ей явно не грозила.

Городской парк, знакомый Валентине с детства, удивил ее размером. Она шла уже минут пятнадцать. Высокие нестриженные деревья, росшие беспорядочно по краям дорожки, напомнили лес, и пахло здесь как в настоящем лесу – перепревшей землей, влажным деревом, смолой. Вокруг не было видно ни газонов, ни цветов.

Валентина вскоре догадалась, отчего старый парк показался ей таким огромным. На месте деревьев и кустов сегодня воткнули боулинг, теннисный клуб и ресторан, а со стороны озера вообще построили жилой комплекс. Парк наверняка уменьшился втрое.

Ближе к центру дорожка расширялась, деревья закончились, появились гипсовые статуи. Вдалеке показалась стела с Вечным огнем – единственное, что сохранилось и по сей день. Валентина свернула на узкую тропинку между кустов, которая вела к танцплощадке. Уже полностью стемнело, фонарей вдоль тропинки было немного, но сама танцплощадка освещалась мощными прожекторами. Было отлично видно, как музыканты духового оркестра собирали инструменты, в углу несколько парней возились с огромными усилителями. Валентина искала глазами, куда бы сесть: она очень устала, плохо соображала и мечтала найти какую-нибудь нору, где можно было спрятаться.

Скамейки обнаружили в самых темных углах, но почти все они были заняты подростками самого подозрительного вида. Но Валентина настолько вымоталась, что ей было уже наплевать и на подростков, и на неведомых тварей, притаившихся в темных кустах. Она нашла свободную скамейку в самом темном углу и залезла на нее с ногами. Заиграла музыка: что-то очень быстрое, похоже на твист. Валентина слегка прикрыла глаза. Подступила тяжелая, мутная усталость, днем заглушенная нервной активностью. Стараясь отвлечься от мыслей, она стала наблюдать за людьми на площадке. Под первую песню танцевать никто не вышел. Девушки стояли по краям, парни озабоченно ходили внизу, беспрестанно курили и были заняты неким важным и неведомым для окружающих делом. Все как всегда.

Глаза слипались. Чтобы не заснуть раньше времени, Валентина достала горбушку из сумки. Спазм в горле не проходил. «В чужих обносках, с коркой хлеба, в парке на лавочке». Валентина положила голову на спинку скамейки и все-таки заплакала. Не потому, что страшно, а потому, что грустно. Пришло то, чему ей удавалось сопротивляться весь день. Мама, папа, детство, прошлое страны... Не хотелось думать и чувствовать, но уже не получалось. Почему это с ней произошло? И почему весь этот морок кажется ей более настоящим, чем ее жизнь в последние годы? Это ведь даже не ее прошлое. Ее здесь еще нет. Но почему оно такое живое?

Она все-таки задремала. Очнувшись оттого, что кто-то тянул сумку. Еще не открыв глаза, Валентина безуспешно дернула сумку на себя. «Пусти», – с глухой злобой прошипел пацан лет пятнадцати и вырвал сумку. Валентина, сидя с поджатыми ногами, не удержала равновесия и повалилась со скамейки прямо в не просыхающую из-за тенистого места грязь.

– Стой. Отдай... – просипела она.

Рядом зашуршали кусты, и выбежали еще несколько фигур.

– Пасть завали, сука. Найдем – порежем, – шепотом проорал пацан.

Ослабевшая от страха Валентина сидела на земле, прислонившись к скамейке. В сумочке были драгоценные деньги, хлеб, и главное – она была единственной связью с ее настоящим. Всклипывая от обиды и жалкой нелепости конца дня, Валентина поднялась. Ноги и юбка испачкались в грязи. Терять было нечего. Она собралась с духом и закричала: «Стой! Ловите их! Это грабители!» На этот раз получилось громче. Несколько человек возле площадки повернули голову, пытаясь разглядеть в темноте Валентину.

– Да вон же они, убегают. Помогите мне! Что вы смотрите?! – Она наконец сама неуверенно пошла к людям.

Раздалась трель свистка. Валентина с облегчением увидела, что к ней бегут два парня и девушка. Все с красными повязками на руках.

– Послушайте, вы из милиции? Меня ограбили, забрали сумочку...

– Эта? – спросила девушка у парня, показывая на Валентину и не обращая внимания на ее слова.

– Да я ее плохо видел, – ответил парень, – темно было. По росту вроде подходит.

Девушка уставилась на Валентину:

– Почему в таком виде? Выпили?

– Нет. Что вы... Я просто сидела... а они подошли... я упала.

– Почему вы сидите одна в парке?

– Я гуляю.

– Так. Работаете? Учитесь? Из какого общежития? Документы есть? – девушка сыпала вопросами.

Валентина вдруг подумала, что потеря сумки может оказаться удачей в ее положении.

– Украли же документы. Только что! Сумку забрали, а там все... Мне ночевать негде, я к тетке приехала, а ее нет. – Валентина без труда заплакала. – Хотела в гостиницу, как же без документов...

Девушка переглянулась с парнями.

– Похоже, не врет. Я шумиловских здесь еще днем заметил, – сказал один из парней.

– Милицию почему не вызвал?

– А что я им скажу? Гулять в парке всем можно.

– Значит, надо поднять вопрос, чтобы гуляли здесь только надежные, – процедила девушка.

Парень покосился на нее, но промолчал. Валентина наконец рассмотрела строгую дружинницу. Девушка заметно отличалась от тех, кто пришел на танцплощадку. Она была одета в темное платье неразличимого цвета, перепоясанное тонким ремешком. Заплетенные в косы волосы выбились на висках. Ее можно было бы назвать симпатичной, если бы не взгляд – властный, недобрый, подозрительный.

«Комсомольская активистка. Кажется, мне повезло. Главное не переиграть».

– Меня зовут Валентина. Я приехала устраиваться на работу, рассчитывала пожить первое время у тетки, а ее не оказалось, – отбарабанила она тоном твердой ударницы.

– Что же ты телеграмму не отправила?

– Не подумала, – всхлипнула Валентина, изображая раскаяние легкомысленной дурочки. – Помогите мне, пожалуйста.

Расчет оказался верным. Девушка подобрела.

– Сейчас я тебя отведу в общежитие. Там переночуешь, потом решим, что с тобой делать.

– Спасибо! – Валентина энергично закивала и вдруг выпалила неожиданно для себя уже что-то совершенно нелепое: – Я обязательно оправдаю ваше доверие!

– Меня зовут Люда. – Девушка выдавила подобие улыбки, потом повернулась к парням: – Я ее отведу, а вы остаетесь. И без халтуры. Сами знаете, за чем следить: чтобы музыка играла вся наша. Никакой американщины! Поняли?

«Конечно. Куда им шпану ловить в темных кустах. Главное – никакой американщины».

Парни без энтузиазма пообещали сохранять бдительность и отправились в сторону танц-площадки. Девушка Люда еще раз оглядела жалкую и грязную Валентину, многозначительно вздохнула и пошла вперед по темной тропинке. Валентина засемила следом.

– А вещи твои где? – не оборачиваясь спросила Люда.

– Так в сумке все были, – ответила Валентина, решив не уточнять размеры сумки.

– Зачем же ты в самый темный угол залезла, – в голосе Люды появилось подобие сочувствия. – Девушке вечером в парке вообще делать нечего. Ты из какого города? На деревенскую вроде не похожа.

В голове у Валентины заметалось: «Господи! Какой город-то назвать? А вдруг его еще не построили?»

– Я из Сибири. Возле Братска там поселок. На стройке работала. – Валентина почти не соврала, вспомнив недостроенный коттедж и четыре сменных бригады за два года.

– А почему уехала? – строго спросила Люда. – На стройках рук не хватает. На легкую работу захотела? И кто же тебя отпустил?

«Ага. Сама-то поди под знаменами сидишь, труженица».

– Да у меня это... По здоровью.

– А-а. По здоровью – это понятно. А здесь куда? Хотя можешь не отвечать. К нам, конечно, на текстильную фабрику.

– Точно, – искренне обрадовалась Валентина. – А как вы догадались?

– Больше для девчат тут ничего нет, если ты не инженер, конечно. Училась где?

– Восемь классов, – быстро ответила Валентина.

– А лет сколько? – продолжала допрос Люда. Они уже вышли на главную, освещенную дорожку, и Люда внимательно посмотрела на Валентину.

В первый момент сорокалетняя Валентина замешкалась и некстати замычала:

– Тридцать... пять.

– Зачем врешь? Тебе же тридцати нет. – Людмила остановилась. – Ты что? Под статью захотела? Думаешь, документы потеряла и теперь на пенсию пораньше пойдешь?

Валентина растрогалась. «Тридцати нет! Зачем же я разругалась с прежним салоном? Качественно, оказывается, работали. А я, дура, на них из-за фотоэпиляции наехала. Сдалась мне та эпиляция. Кололи-то они как надо. Когда вернусь – пойду мириться».

– Честное слово! Мне правда тридцать пять! – непонятно почему уперлась Валентина на этой цифре.

Людмила нахмурилась:

– Завтра напишешь адрес, отправим запрос. И в комсомольскую организацию твою тоже. Государство обманывать мы не позволим.

«Да уж. По части вранья с государством мне лучше не тягаться».

Они вышли из парка. Прохожих на улицах почти не было. По дороге проезжали полупустые автобусы, троллейбусы и редкие автомобили. Дома блестели темными стеклами. Почти все окна погасли. «Вот что значит рабочий народ. Рано спать ложатся».

– А сколько время сейчас?

– Одиннадцать. Ничего, скоро дойдем. Здесь недалеко до общежития. Ты, наверное, голодная?

– Немного, – ответила Валентина и подумала, что она, пожалуй, несправедлива в своей неприязни к этой девушке.

Через минут двадцать они вошли в трехэтажное длинное здание. На первом этаже за столом сидела вахтер, рядом бормотало радио.

– Это со мной, – сказала ей Люда.

– Новенькая, что ли?

– Новенькая.

– Постель только через неделю будет.

– Ладно, – с нажимом ответила Люда. – Она у меня пока поживет. Все равно Татьяна в Москве на учебе.

– И ключи от душа не дам. Поздно уже. – Вахтерша посмотрела на грязные коленки Валентины.

– Нам и не надо, – ответила Люда, загораживая Валентину.

– Ну так идите, – проворчала тетка.

Девушки поднялись на второй этаж. В комнате у Людмилы было довольно уютно. Две кровати, шкаф, стол, абжур на столе, полки на стене, картинки, пестрые занавески. Валентина разглядела девушку и подивилась выкрутасам моды. На современный взгляд, эта идейная и подчеркнуто скромная комсомолка выглядела куда симпатичней и, как это принято называть, «стильней», чем ее легкомысленные ровесницы на танцплощадке с огромными залакированными копытами на голове.

– Здесь пока поспишь, – Людмила кивнула на кровать, застеленную коричневым одеялом. – На вот тебе, – она протянула полотенце, – иди умойся в туалете. По коридору до конца и налево. Я пока чай сделаю.

– Спасибо, – на этот раз Валентина ответила искренне.

– Да за что спасибо-то? Работать начнешь – мы тебе спасибо скажем. У нас рук тоже не хватает.

Длинный коридор освещался в самом конце единственной лампочкой. Где-то капала вода, за одной из дверей раздался женский смех. Валентина почувствовала странный уют этого неприглядного в своей бытовой сиротливости пристанища. Было тепло, спокойно и тихо. Человеку, наверное, этого достаточно.

В конце коридора пахло канализацией. Валентина остановилась перед замызганной дверью в уборную. Ну почему? Почему она не попала в фантастический сад с говорящими цветами? Или в сказочный лес, где прячутся заколдованные принцы на единорогах? И почему ей стало довольно для счастья дырявого полотенца и корки хлеба?

Она открыла дверь и вошла. Три ржавые раковины, четыре кабинки, окно, грубо замазанное белой краской, лужа на полу. Вот такая фантастика. Твоя страна чудес, Валентина.

Глава 7

Виолетта Иннокентьевна принимала дежурство у своей сменщицы – толстой женщины средних лет в черных колготках и оранжевой бейсболке. Баба Зина сидела на диване, опустив глаза. Видеть женщину в колготках она решительно не могла. Дело в том, что на толстухе не было юбки. Вообще никакой – ни длинной, ни короткой. Только черные плотные колготки, которые со всеми подробностями обтягивали большой, рыхлый зад. Женщина в колготках, приготовившись уходить, докладывала Виолетте состояние дел:

– В шестнадцатой сейчас репетитор по английскому у Тольки-поросся, в девятой – массажистка, в тринадцатой – парикмахер работает с Джоником. Время я отметила, лестницу в гараж помыла.

– Сама-то ты как, Татьяна?

– Ой, не спрашивайте, Виолетта Иннокентьевна. Голову давит, аж в пятку стреляет. И ведь Луна в Стрельце сегодня, а это для меня хороший знак. И вот поди же ты...

– А ты яичко крутила?

– Крутила, конечно. Что же я, без ума совсем. Сварила как в «Оракуле» написано, до секунды все посчитала. Потом крутила.

– Ну, значит, плохо раскрутила.

– Да уж как смогла. А еще знаете, мне сказали, надо в полночь на растущей Луне подуть в чертов угол, все болячки уйдут зараз.

– А как найти его?

– Так в этом-то все дело. Но если найдешь чертов угол в доме – считай вторую жизнь можно начинать. Я потом расскажу подробно, сейчас бежать надо, а то Колька скоро из института придет, покормить бы его успеть, пока из дома на всю ночь не утрынчал. Ленился, стервец, разогреть, так и будет всухомятку жевать. А завтра я целый день снова работаю – на уборку позвали после ремонта.

– После ремонта тяжело отмывать, – Виолетта сочувственно покачала головой.

– Тяжело. Зато платят хорошо. За институт скоро отдавать, а там, сами знаете, сумма – ого-го... – вздохнула толстая Татьяна и подняла сумку с пола. – Но ничего. Крутимся как можем. Еще два курса осталось. Ладно, пошла я.

– Всего хорошего, – сказала Виолетта.

Татьяна еще потопталась, подозрительно косясь на бабу Зину.

– А это кто? Стажерка, что ли? – шепотом спросила она.

– Нет. Это со мной. Иди, иди уже, – замахала рукой Виолетта.

Татьяна вышла из стеклянного закутка, через пару секунд хлопнула дверь подъезда. Виолетта поджала губы, глядя вслед напарнице.

– Стажерку она увидела. Ишь. Конкуренции боится. Что поделать. Рынок есть рынок. Капитализм. – Виолетта перевела взгляд на бабу Зину. – Что-то вы совсем побледнели. Голодная, поди?

Баба Зина кивнула.

– Это мы сейчас исправим. – Виолетта засуетилась. – Двигайтесь к столу поближе. Что тут у нас есть, сейчас посмотрим... – Она нажала кнопку чайника, потом полезла в шкафчик и зашуршала свертками, бормоча под нос: – Так, это мы уже есть не будем, это тоже на помойку, вечно здесь Татьяна разведет склад объедков... А вот это то что надо. – Она вытащила две яркие пачки сухой китайской лапши.

Через пару минут по крошечной комнатке распространился едкий и в то же время аппетитный запах. Виолетта подвинула бабе Зине ее порцию.

– Угощайтесь. Я вообще-то химию эту не употребляю, но сегодня не успела в магазин. Валерка-внук прибежал деньги просить. Не хватает ему, видишь ли, на какой-то там скетер. Отец с матерью ему уже два таких купили, а он опять новый хочет. Враги проклятые нам эти скетеры-метры каждый месяц новые засылают.

Баба Зина смотрела на желтые закорючки в тарелке, которые на глазах набухали и превращались в макароны.

– Да вы ешьте, пока горячее, не ждите. Это еда такая, остынет – только и останется в унитаз спустить.

Баба Зина с трудом зачерпнула непослушную лапшу и принялась жевать. Виолетта озабоченно сдвинула брови, вспоминая, на чем остановилась.

– Да. Сейчас вся еда – сплошная химия. Вот раньше еда так еда была. Мне матушка покойная рассказывала, в шестидесятых в универсаме старом икра и черная, и красная, и балык... Помните, универсам тут был. Я в детстве туда бегала. Его уже двадцать лет как снесли. Банк там теперь. Так вот, в универсаме этом прямо все было. Вот все, что тебе душа пожелает. И стоило все копейки.

Баба Зина перестала жевать, подняла глаза на Виолетту и незаметно потерла синий номер на ладони, оставшийся со вчерашней очереди за гречкой. Плохо отмывался этот синий карандаш.

– Нет, ну в семидесятых чуть похуже стало, не буду врать, – продолжала Виолетта, – но простому человеку всегда было что купить. Не то что сейчас. В этих супермаркетах одно жульничество. Все полки коробками забиты, а купить нечего. Один раз сходишь и полпенсии оставишь. У вас-то в деревне все, поди, свое, натуральное. Я уж знаю, что вы из деревни. И что с вами случилось, тоже мне ясно, – понимающе вздохнула Виолетта и принялась заваривать в огромных кружках чай из пакетиков.

Баба Зина доела лапшу и привалилась к спинке дивана. Она уже догадалась, что каким-то научным способом очутилась в будущем. Не то чтобы она была ошеломлена или напугана – все произошедшее представлялось чьей-то проделкой, зацепившей ее по ошибке, поэтому и не переживала, как будет выбираться отсюда. Между тем здесь было тепло по летнему времени, по улицам ходили спокойные, мирные люди, и ко всему прочему хорошему ей встретились уже два равнодушных человека. Так что ничего пугающего в двадцать первом веке баба Зина не обнаружила. Будущее и будущее. Чай не окружение. Вот только оладий для внука не успела напечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.